

Д. Е. Афиногенов
(ИВИ РАН / МГУ им. М. В. Ломоносова)

ПЕЙОРАТИВНЫЕ КОННОТАЦИИ ЭТНОНИМА «СИРИЕЦ» В НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ IX В.

Византийцы охотно использовали негативные этнические стереотипы в полемике, как политической, так и богословской. Очередной повод к использованию такого стереотипа в отношении сирийцев дал иконоборческий кризис, инициированный императорами династии, впоследствии известной как Исаврийская. Ее основатель, император Лев III, был этническим сирийцем. Православные полемисты, однако, не стали использовать восходящее к античности клише «хитрого (πανούργος) сирийца», но актуализировали ассоциацию сириец/еретик-монофисит, поскольку ко времени создания исходных (ныне утраченных) документов монофиситы из Сирии еще жили во Фракии. С течением времени эта ассоциация все более ослабевала и ко времени патриарха Фотия вообще исчезла.

Ключевые слова. Византийская литература, сирийцы, Сирийская (Исаврийская) династия, Феофан Исповедник, Георгий Амартол, монофиситство.

Dmitry Afinogenov
(Institute of World History, RAS / Moscow State University)

Pejorative connotations of the ethnonym “Syrian” in some 9th century Byzantine literary works

The Byzantines never shunned from using ethnic stereotypes against opponents in both political and theological polemics. A convenient occasion for applying stereotypes of this kind was offered by the Iconoclast crisis, initiated by the emperors of the dynasty later known as “Isaurian”. The founder of that dynasty, emperor Leo III, hailed from Germanikeia and was ethnic Syrian. However, the Orthodox opponents of the “Isaurians” did not recur to the cliché of a “cunning (πανούργος) Syrian”, known from the Antiquity. Instead, they opted for revitalizing the association of Syrians with Monophysite heretics (Jacobites, Theopaschites). This was facilitated by the measures taken by Leo’s son and successor Constantine V, who had resettled large groups of Syrian Monophysites from Theodosiopolis and Melitene to Thrace. When the main anti-Iconoclast historical source on Leo and Constantine was being compiled in early 780s (**Historia Leonis et Constantini*, now lost), these people still persisted in their beliefs. However, the chain of reception from Theophanes (soon after 813) to the third version of George the Monk (*vulgata*, last quarter of the 9th c.) demonstrates that the negative association Syrians/Monophysites was

gradually fading, along with the memory of Leo III's Syrian origin. Photios does reproduce the ancient stereotype of *πανουργία* in the *Lexicon*, but otherwise, despite his keen interest in anti-Iconoclast and anti-Monophysite polemics, seems to be quite indifferent or even positive towards Syrians.

Keywords. Byzantine literature, Syrians, Syrian (Isaurian) dynasty, Theophanes Confessor, George the Monk, Monophysitism.

Несмотря на то, что Восточная Римская империя всегда была многоэтничным государством, в котором говорили, а до VII в. и писали на нескольких языках, когда византийцам нужно было опорочить того или иного почему-либо несимпатичного им деятеля, они отнюдь не чурались диффамации, связанной с его истинным или предполагаемым этническим происхождением. Так, патриарха Фотия, принадлежавшего к одному из древнейших аристократических родов империи, называли *χαζαροπρόσωπος*, подразумевая, по-видимому, какие-то монголоидные черты его облика (Symeonis 1838, 673, 19). Об иконоборческом патриархе Никите, прославившемся своим невежеством, сказано *ὁ ἀπὸ Σκλάβων εὐνοῦχος* (Theophanis 1883, 440, 13), причем до сих пор непонятно, имеется ли в виду происхождение из рабов или из славян¹: в любом случае негативные коннотации очевидны. Когда император Лев V Армянин в 815 г. возобновил иконоборчество, патриарх Никифор не преминул воспользоваться его этническими корнями (не только армянскими, но и ассирийскими, согласно преданию семейства Арцруни) в целях диффамации². Но примерно 60 лет спустя армянское происхождение Василия I Македонянина позволило экс-патриарху Фотию составить тому генеалогию, восходящую к Аршакидам.

В VIII в. в Византии разразился иконоборческий кризис, инициаторами которого были императоры династии, которая обыкновенно называется Исаврийской, однако в реальности к Исаврии не имеет никакого отношения. Как известно, император Лев III от рождения носил имя Конон Исавр (*Κόνων ὁ Ἰσαυρός*), очевидно, в честь известного мученика I (либо III) в. Однако родился будущий Лев в Германикии (совр. Кахраман-мараш в Турции) и был этническим сирийцем (подробности в Gero 1973). А priori следовало бы ожидать, что его

¹ Исходя из стилистических особенностей предполагаемого источника, второе мне представляется гораздо более вероятным.

² Фрагмент сохранился только в Georgii Monachi 1978, 780, 13–782, 3.

происхождение будет использовано православными полемистами с целью создания отрицательного образа.

Предпосылки к этому наличествовали, поскольку еще в античности сложился отрицательный стереотип, ассоциировавший сирийцев с πανουργία (хитрость, злокозненность), что отразилось, например, в Лексиконе Фотия: Σύροι πρὸς Φοίνικας: ἐκάτερα τὰ ἔθνη διαβέβληται ὡς πανοῦργα (Сирийцы на финикийцев: оба племени ославлены как хитрые — Photii 1865. Vol. II, 557, 23–24). Отголоски данного стереотипа находим и в Хронографии Феофана Исповедника, основном нашем источнике по истории Восточной империи VIII в., написанном вскоре после 813 г.: ἦλθε πρὸς αὐτὸν Ἰθανάσιος, ὁ πατριάρχης τῶν Ἰακωβιτῶν, δεινὸς ἀνὴρ καὶ κακοῦργος τῇ τῶν Σύρων ἐμφύτῳ πανουργίᾳ ‘пришел к нему (императору Ираклию — Д. А.) Афанасий, патриарх яковитов, муж хитрый и злокозненный по врожденному у сирийцев коварству’ — Theophanis 1883, 329, 22–23. Заметим здесь связь «сириец — яковит».

Однако если обратиться к фразе, которой Феофан начинает рассказ о царствовании Льва III, то оказывается, что происхождение из Германикии воспринимается как более respectable, нежели из Исаврии: Λέων ἐβασίλευσεν ἐκ τῆς Γερμανικέων καταγόμενος, τῇ ἀληθείᾳ δὲ ἐκ τῆς Ἰσαυρίας ‘...воцарился Лев, происходивший из Германикии, а на самом деле из Исаврии’ — Theophanis 1883, 391, 5–6. Но Анастасий Библиотекарь в латинском переводе, имеющем очень большое текстологическое значение, добавляет здесь слова genere Syrus ‘сириец родом’. Эти, слова, по всей видимости, были выпущены при составлении той редакции греческой Хронографии, которой мы располагаем сейчас. При описании событий в Византии 685–775 г. Феофан пользовался двумя утраченными сочинениями: *Scriptor a. 718 и *Historia Leonis (et Constantini)³. Во фрагментах, уверенно определяемых как восходящие к первому, сирийцы не упоминаются вообще. А вот второй автор проявляет к ним достаточно эмоционально окрашенное отношение. Вот как вышеприведенная фраза предположительно выглядела в исходном источнике (сохранилась в Coislinianus 305, f. 326):

³ См. например, Афиногенов 2018.

[Μετὰ δὲ Θεοδόσιον ἐβασίλευσε]⁴ Λέων [ὁ Ἡσαυρος]⁵ Συρογενῆς, ἀπὸ Ἡσαῦ τοῦ θεοστυγοῦς, ἐξ οὗ καὶ ἡ Ἡσαυρία χώρα τὴν ἐπωνυμίαν ἔσχε, καταγόμενος καὶ Ἡσαυρος λεγόμενος, ὁ καὶ Κόνων.

‘[После же Феодосия воцарился] Лев Исавр, сириец родом, происходивший от богомерзкого Исава, от которого получила наименование и земля Исаврия, прозванный Исавром, он же и Конон’.

Это произведение было остро полемическим по отношению к иконоборческим императорам Льву III и Константину V, и его автор явно не преминул бы использовать против них их этническую принадлежность. И действительно, как у Феофана, так и у Георгия обнаруживаются остатки такого подхода. Феофан под АМ 6232 (Theophanis 1883, 412,2):

Τούτῳ τῷ ἔτει, κδ' τῆς βασιλείας Λέοντος τοῦ τυράννου καὶ παρανομώτατου Σύρου...

‘В этом году, 24 царствования Льва тирана и пребеззаконного сирийца...’

Георгий (Coislinianus 305, f. 326^v): Τῷ δὲ γε Ἡσαύρῳ καὶ Σύρῳ βασιλεῖ Λέοντι γεννᾶται υἱὸς Κωνσταντῖνος καὶ τοῦ Ἀντιχρίστου πρόδρομος.

‘А у Исавра и сирийца императора Льва рождается сын Константин, предтеча Антихристов’.

У Феофана в этом месте (Theophanis 1883, 399, 28–400, 1) вместо «Исавра и сирийца» стоит «злочестивого» (δυσσεβεῖ), чему далее соответствует «еще более нечестивый» (δυσσεβέστερος).

Остальные упоминания сирийцев применительно к Константину V у обоих хронистов связаны с переселением жителей временно захваченных этим императором городов Арабского халифата во Фракию. Феофан сообщает, опираясь все на ту же *Historia Leonis:

(Theophanis 1883, 422, 14–18) προσελάβετο καὶ τοὺς πρὸς μητρὸς συγγενεῖς καὶ ἐν Βυζαντίῳ μετόκισεν, σὺν καὶ πολλοῖς Σύροις Μονοφυσίταις αἰρετικοῖς, ὧν οἱ πλείους εἰς τὴν Θράκην οἰκοῦντες

⁴ Начало формульное для хроники. Реконструируемое произведение не было хроникой, поэтому там вводные слова могли выглядеть иначе.

⁵ Эти слова выглядят лишними по смыслу, но также соответствуют хроникальной формуле: Μετὰ δὲ X ἐβασίλευσε Y ὁ Z, где X и Y — имена, а Z — прозвище.

μέχρι τοῦ νῦν καὶ ἐν τῷ τρισαγίῳ τὴν τριάδα σταυροῦντες κατὰ Πέτρον τὸν Κναφέα διήρκεσαν.

‘(Константин V) забрал и своих родственников по материнской линии и переселил их в Византий со многими сирийцами монофиситами еретиками, большинство из которых, доньше живя во Фракии, распинают Троицу в Трисвятом, следуя Петру Валяльщику’.

(Theophanis 1883, 429, 19–23) ὁ δὲ βασιλεὺς Κωνσταντῖνος Σύρους τε καὶ Ἀρμενίους, οὓς ἤγαγεν ἀπὸ Θεοδοσιουπόλεως καὶ Μελιτηνῆς, εἰς τὴν Θράκην μετόκισεν, ἐξ ὧν καὶ ἐπλατύνθη ἡ αἵρεσις τῶν Παυλικιάνων.

‘Император же Константин переселил во Фракию сирийцев и армян, которых он привел из Феодосиополя и Мелитины. От них и распространилась павликианская ересь’.

(Theophanis 1883, 451, 21) ...καὶ αἰχμαλωτεύσας τοὺς αἰρετικοὺς Ἰακωβίτας Σύρους

‘...и пленив еретиков яковитов сирийцев...’

(Theophanis 1883, 452, 1–2) ἐπέρασε δὲ καὶ τοὺς αἰρετικοὺς Σύρους ἐν τῇ Θράκῃ καὶ κατόκισεν αὐτοὺς ἐκεῖ.

‘(Михаил Лаханодрокон) перевел еретиков сирийцев во Фракию и поселил их там’.

У Георгия, использовавшего тот же источник независимо, упоминания сирийцев выглядят так:

(Coislinianus 305, f. 332 = Georgii 1978, 752, 14–17): τοὺς συγγενεῖς αὐτοῦ Ἀρμενίους καὶ Σύρους αἰρετικοὺς εἰς τὸ Βυζάντιον μετόκισεν, ὧν οἱ πλείους οἰκοῦντες ἐν τῇ Θράκῃ μέχρι νῦν Θεοπασχῖται κατὰ Πέτρον εἰς τὸν δεῖλαιον.

‘(Константин V) переселил своих родственников армян и сирийцев, еретиков, в Византий, из которых большинство, живя во Фракии, доньше суть феопасхиты, следуя несчастному Петру’.

(Coislinianus 305, f. 338): τούτους αὐτοὺς Ἀρμενίους καὶ Σύρους χριστιανούς ὑπάρχοντας διὰ λόγου καὶ ὀρκομοσίας ἐπὶ τὴν Θράκην μετήγαγεν.

‘(Константин V) тех же самых армян и сирийцев, которые христиане, по договору и клятвенному соглашению перевел во Фракию’.

Последний из этих примеров не содержит вообще ничего негативного, поскольку находится в следующем полемическом контексте: Константин никогда не вступал в бой с иноверцами, а только захватывал города по соглашению с их жителями-христианами. Но эта полемика восходит к III Антирретику

патриарха Никифора (Nicephori Antirrheticī, 508D–509A) и направлена против поклонников Константина уже в более позднее время (после 811 г.), тогда как в первом фрагменте Георгий пользуется *Historia Leonis, автор которой хотел поставить императору в вину переселение еретиков-феопасхитов во Фракию, а попутно бросить на него тень «родством» с ними (хотя из текста Феофана совершенно ясно, что родственники Константина еретиками не были).

В последней части хроники Георгия «сириец» упоминается лишь однажды, применительно к Фоме Славянину (Georgii 1978, 794, 27), который якобы подражал «варварской гордыне» сирийского царя, называемого в Септуагинте «сын Адера» (3 Цар. 21). Это имеет отношение к современным хронисту сирийцам лишь в том смысле, что в 820 г. Фома двинулся с войском из Сирии. Следует заметить, что в так называемой «вульгате» Георгия Монаха (третья редакция, датируемая последней четвертью IX в.) из трех приведенных контекстов этноним «сириец» остался только в одном, сохранив, правда, негативное звучание.

Таким образом, вырисовывается следующая картина. Автор *Historia Leonis, писавший между 775 и 784 г. и отлично знавший о сирийском происхождении «Исаврийской» династии, использует это обстоятельство для диффамации Льва III и его сына Константина V, но в весьма ограниченном масштабе, почти исключительно в связи с переселением сирийских и армянских монофиситов⁶ («феопасхитов») из Арабского халифата во Фракию. Полагаю, что формула «доныне» (μῆχρι τοῦ νῦν) относится именно ко времени создания этого утраченного источника. Патриарх Никифор в Бревиарии (Nicephoros 1990, 73, 2) пишет об этом переселении без всяких оценок⁷. Восходящий к античности стереотип «пронырливого сирийца» в этих контекстах не использовался. Когда Феофан включал в свою Хронографию большие фрагменты из *Historia Leonis, вопрос о монофиситах во Фракии явно потерял актуальность, поэтому в одном из контекстов они оказались заменены павликианами, к тому моменту уже представлявшими для византийского государства и Церкви серьезную проблему.

⁶ Здесь и далее используются термины, которые применялись самими византийцами, без дальнейших богословских уточнений.

⁷ Детальный анализ разнообразных источников об этих событиях см. в Lurié 2018.

При этом павликиане ассоциировались у византийцев скорее с армянами, чем с сирийцами. В III Антирретике, где также используется *Historia Leonis, патриарху Никифору прежде всего важно, что те же самые сирийцы и армяне — христиане и согласились переселиться по договору, что должно приуменьшить внешнеполитические достижения Константина V. Первоначальная версия Георгия Монаха сохраняет некоторые дополнительные негативные контексты упоминания сирийцев, восходящие к *Historia Leonis, и они всякий раз связаны с ассоциацией сирийцы/яковиты (монофиситы, феопасхиты), однако при второй редакции после 877 г. из них оставили только один.

Если брать византийскую литературу IX в. в целом, никакого особенного интереса к сирийцам там не замечается. Так, в весьма объемистой переписке преп. Феодора Студита о них нет ни одного упоминания. Но самое показательное в свете предыдущего изложения то, что в обширном трактате патриарха Фотия «Против феопасхитов» этноним «сириец» употребляется только применительно к Иакову Барадею, основателю монофиситской иерархии, как персональный эпоним (Photii 1983–86, Vol. 3. P. 284, 2419; 2548). А вот что пишет Фотий в Амфилохиях:

Если же на сирийском языке (Σύρα γλῶσσα) Пресвятой Дух носится над водами и как бы высиживает их и животворит, я не стал бы осуждать это — ибо им (т. е. сирийцам — Д. А.) до поры достаточно узнать, откуда бы то ни было, что Пресвятой Дух обладает животворящей и созидающей сущностью и силой (Photii 1983–86, Vol. 4. P. 69, 30–33).

В рукописях Θ и Δ к этому месту есть схолия: «Что за сирийский язык (Τίς ἡ Σύρα γλῶσσα;)? Ведь мы знаем, что и Василий Великий таким образом толковал в этом месте о Духе».

Как видим, ни о какой ереси патриарх не вспоминает, но к сироязычным христианам относится несколько покровительственно.

Итак, пейоративные коннотации этнонима «сириец» наблюдаются в византийских литературных памятниках главным образом когда они говорят о вполне конкретной ситуации: переселении Константином V большой группы христиан-антихалкидонитов из областей Феодосиополя и Мелитины во Фракию, где они продолжали держаться своих верований примерно до 80-х гг. VIII. Попытки диффамации «Исаврийской» династии по признаку сирийского происхождения были очень

слабыми и быстро прекратились. С течением времени упоминания о сирийцах стали вообще вымываться из традиции, и в огромном наследии патриарха Фотия уже незаметно негативного отношения к сирийцам, кроме следов античного стереотипа.

Библиография

- Afinogenov, D. E. 2018: [The account of the siege of Constantinople (717–718) in the Chronicle of Theophanes Confessor: traces of editorial work]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indoeuropean Linguistics and Classical Philology*]. 22, 60–67.
Афиногенов Д. Е. 2018: Рассказ об осаде Константинополя в 717–718 г. в хронике Феофана Исповедника: следы редакторской работы. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 22, 60–67.
- Georgii Monachi *Chronicon*. Ed. C. de Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978.
- Coislinianus 305: Georgii Monachi chronicon secundum codicem Coislinianum 305. Bibliothèque Nationale. Paris.
- Gero, S. 1973: *Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III, with Particular Attention to the Oriental Sources*. Louvain.
- Lurié, B. 2018: Syrian and Armenian Christianity in Northern Macedonia from the Middle of the Eighth to the Middle of the Ninth Century. *Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*. 10, 461–476.
- Nicephori Antirrhethici adversus Constantinum Copronymum. *PG* 100. Cols. 205–533.
- Nikephoros Patriarch of Constantinople. *Short History*. Text, translation and commentary by C. Mango. Washington, 1990.
- Photii Epistulae et Amphilochia*. Edd. B. Laourdas, L. Westerink. 6 Vols. Lipsiae, 1983–1986.
- Photii Patriarchae Lexicon*. Ed. S. A. Naber. 2 Vols. Leiden, 1865.
- Theophanis Chronographia. Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
- Symeonis Magistri Annales. In: *Theophanes Continuatus*. Ed. I. Bekker. Bonnae, 1838, 601–760.

Сокращения

PG — Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Ed. J. P. Migne. P., 1857–1866.